

ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ: ТЕОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ

Вал. А. Луков

Теории молодежи: пути развития*

*МУЛЬТИДИСЦИПЛИНАРНОСТЬ
VS МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОСТЬ*

Теории молодежи со свое-
го зарождения в начале

XX века обладали признаком мультидисциплинарности. Книга Г. Стэнли Холла «Молодежь» (1904), которую можно характеризовать как первое системное изложение теории молодежи, имела в заглавии характерное уточнение: «ее психология и ее отношение к психологии, антропологии, социологии, сексу, преступности, религии и образованию»¹. И другие ранние теории молодежи, например представленные в трудах К. Грооса «К психологии молодежи переходного возраста» (1912), Ш. Бюлер «Душевная жизнь юных» (1922), Э. Шпрангера «Психология юношеского возраста» (1924)², обладают этим же мультидисциплинарным свойством, даже если в названиях обозначена связь с одной наукой (чаще всего с психологией). Не удивительно, что в современной социологии молодежи эти авторы без каких-либо оговорок рассматриваются как родоначальники теоретического осмысления феномена молодежи, что означает обнаружение в их трудах социологического содержания.

Надо еще добавить, что с самого начала теории молодежи выходили за пределы гуманитарных наук, авторы этих теорий не-

редко обращались к арсеналу биологии, медицинских наук. Эти обстоятельства в еще большей мере позво-

ляют утверждать, что теории молодежи строятся на базе мультидисциплинарности. Собственно, сегодня это неоспариваемая точка зрения. Более того, именно мультидисциплинарность теорий молодежи породила сначала в 1970-е годы и повторно — в последние полтора десятилетия идею комплексной науки о молодежи — «ювенологию», «юнологию», «ювентологию».

Ювенологический проект, хоть и не является новым по замыслу, заслуживает первостепенного внимания среди новых тем, привнесенных в теоретическое осмысление молодежи самого последнего времени. С предложением начать дискуссию о создании ювенологии выступил в конце 1990-х годов И. М. Ильинский. Он выдвинул для обсуждения несколько тезисов, в том числе исходный: «Если человек — существо биосоциальное, то он должен изучаться как целое, в единстве его биологической и социальной сторон»³. Из него следует, что, выделив и обосновав понятие «молодежь» как характеризующее определенную социальную группу, мы изучаем ее как общественное сознание, общественную деятельность людей

в определенный возрастной период их жизни. При этом «объективной основой определения понятия “молодежь” является все-таки понятие “молодость”, то есть прежде всего биологические, физиологические, психологические явления, которые характеризуют человека на этом этапе его развития. Иными словами, биологические основы — это естественнонаучная база молодежных исследований...»⁴. Значение такой постановки вопроса проясняется, если учитывать специфику молодежных исследований 1980-х годов, когда широкое распространение получили массовые опросы молодежи и на их основе преимущественно характеризовалась обстановка в молодежной среде. В 1990-е годы число массовых опросов резко сократилось, но сам подход во многом воспроизводился из предыдущего этапа развития молодежных исследований и он все меньше соответствовал особенностям российской жизни, ситуации социальной аномии.

Независимо от этого проекта получили развитие и другие концепции интегральной науки о молодежи.

Немалый вклад в привлечении внимания научных сообществ к интеграции усилий в изучении молодежи в рамках единой науки вносит В. В. Павловский в ряде своих работ, из которых наиболее существенной является книга «Ювентология» (2001)⁵.

Идеи о ювентологии как комплексном междисциплинарном исследовании особенно активно развивает Е. Г. Слуцкий при поддержке его сотрудников, а также членов Академии ювентологии, созданной по его инициативе в Санкт-Петербурге⁶. Суть концепции изложена в книге «Ювентология и ювенальная политика в XXI веке» (2004) следующим образом. Ювентология представляет собой системное знание о становлении, взрослении и развитии человека как живого организма (физиологический аспект), становлении «*Homo sapiens*» — живого организма с развитым мышлением (психоэмоциональный и социально-психологический аспекты), формировании его как полноценного члена общества посредством воспита-

ния, образования, социализации (социальный аспект). Эта наука изучает молодое поколение как в онтогенезе, так и филогенезе, т. е. исследует механизмы биосоциального (медико-биологического) взросления, становления и духовного развития личности молодого человека, а также соответствующие изменения — детей, подростков и молодежи как демографической группы. Ювентология «представляет собой новое комплексное междисциплинарное знание о взрослении, становлении и развитии молодого поколения в диалектическом единстве социального, духовного и биологического начал, базирующихся на общности процессов воспитания, образования и социализации молодежной популяции в целях стратегического развития России на долгосрочную перспективу»⁷. Появление ювентологии авторами связывается как с внешними (геополитическими, экономическими, социальными), так и внутренними (внутринаучными) факторами. «К внешним факторам относятся сложность и динамичность современных преобразований общественной жизни, будущее которой во многом определится качеством молодого поколения, «молодежным фактором». Основным внутринаучным фактором становления ювентологии выступает диалектика познания. Современное познание в третьем тысячелетии вновь характеризуется интеграционными процессами, возвращением к целостности представлений о мире, но уже на новой научной основе — комплексном и междисциплинарном знании. Поэтому появление ювентологии обусловлено объективно как результат интеграционных процессов современного научного знания, проявившихся достаточно рельефно в последние десятилетия, а также как итог исследовательского поиска последних 40 лет в области изучения разнообразных проблем подрастающего поколения — детей, подростков и молодежи, а также семьи как социального института»⁸.

В рамках интеграции современного гуманитарного знания такая позиция естественна, и ее нет необходимости слишком упорно доказывать. В чем же трудность? Почему

при очевидной мультидисциплинарности молодежных исследований идея ювенологии не становится общепризнанной? Для этого, по всей видимости, есть несколько оснований. В первую очередь следует учитывать, что к молодежной проблематике исследователи приходят, получив профессиональную подготовку в давно сложившейся системе специальностей, где границы между науками сохраняются. Разумеется, имеет значение и фактор обособления и конкуренции научных школ и направлений. Связь признания научных парадигм с отношениями в научных сообществах, как показал еще Т. Кун, существенна. Тем более заметны ее проявления в пограничных областях научного знания. В исследованиях молодежной проблематики этот фактор давно проявляется и заметно влияет на взаимооценки или игнорирование научного творчества «чужих» коллективов и отдельных ученых.

Все же главная проблема — не в этом. Хотя полезность перехода к интеграции молодежных исследований на междисциплинарной основе очевидна, реализовать проект интегральной науки о молодежи оказывается крайне сложно. Во-первых, мультидисциплинарность и междисциплинарность — не одной и то же. Мультидисциплинарность не предполагает, а междисциплинарность — предполагает единство исследовательского процесса, когда на границах между взаимодействующими науками возникают интерфейсы — своего рода интеллектуальные мосты, позволяющие установившиеся границы между научными системами сделать прозрачными и этим повлиять не только на многогранное рассмотрение комплексного объекта исследования (в данном случае молодежь), но и определить пути интеграции наук как таковых. Когда в ювенологических коллективных монографиях о молодежи медик пишет о проблемах здоровья молодежи (называя его «ювенальное здоровье»), криминолог — о проблемах предупреждения подростковой преступности (называя это «ювенальной криминологией»), статистик — о «ювенальной статистике» и т. д., то это ис-

следование можно признать мультидисциплинарным, но не междисциплинарным. Если же нет явного преимущества в исследовании сложного объекта, которое может возникнуть на стыке наук, если мы имеем лишь скоординированную по определенному плану работу специалистов каждого в своей области, то нет серьезного основания отказываться от сложившейся системы наук в пользу ювенологии (как и феминологии, гендерологии, геронтологии и т. д.). Тем более что в интегральной функции применительно к молодежной проблематике сегодня может выступить любая из социальных наук, не связанных, как это было в начале XX века, жесткими границами по объекту, предмету и методу исследования. А это значит, что функции интегральной науки о молодежи могут выполнять социология (социология молодежи), социальная психология (психология молодежи) и т. д.

Здесь требуется уточнение. Когда говорится о комплексности, междисциплинарности изучения молодежи, не всегда учитывается, что в комплексе наук, даже гуманитарных, в предметную область которых входит молодежная проблематика, те или иные науки представлены неравнозначно. Этому есть, по крайней мере, две причины.

Первая — следует различать проблематику *молодости* и проблематику *молодежи*, хотя нередко кажется, что между этими понятиями нет существенной дистанции и речь идет об одном и том же. Действительно, молодежь выделяется из других общностей людей именно на том основании, что ее характеризует молодость и именно это обстоятельство позволяет строить междисциплинарность молодежных исследований с внедрением в области биологии и общей и возрастной психологии. Тем не менее, предмет исследования при обращении к тематике молодости и тематике молодежи совпадает лишь частично. Молодость — свойство индивида на определенной жизненной стадии, в каком-то смысле — также и некоторого сообщества, например организации, но здесь это скорее метафора. Молодежь —

совокупность людей определенного возраста и соответствующего социального статуса; выделение этой группы и отношение к ней в обществе связано с культурными традициями и актуальной ситуацией (экономической, политической, социальной и т. д.). Согласно этому теории молодежи, а значит — и молодежные исследования, в большей мере формируются на теоретической платформе одних наук и в меньшей — других.

Вторая причина — разная степень необходимости теоретического оформления молодежных исследований в различных науках. Историки, например, создали немало работ по молодежной проблематике, но для исторического исследования теория молодежи как таковая не слишком нужна. Большее значение имеет теоретическое обоснование отдельных аспектов коллективного исторического действия, связанных с молодежью (например, молодежное движение, молодежная политика). Специфически рассматривает молодежный фактор демография, там само представление о молодежи, молодежном возрасте существенно расходится с видением социологии и психологии. В известной мере теории молодежи дистанцированы и от педагогики, хотя, возможно, это не характеристика науки, а черта нынешнего поколения педагогов-ученых (в современных теориях молодежи, в частности, нельзя игнорировать теоретические идеи А. Дистервега, А. С. Макаренки, Я. Корчака, педологические работы А. С. Выготского, П. П. Блонского и др.⁹).

В итоге можно утверждать, что междисциплинарность применительно к теориям молодежи имеет определенные границы. Эти границы задаются по преимуществу теоретико-методологическим арсеналом социальной философии, социологии, социальной психологии, культурологии, антропологии, биологии. Другие науки в значительно меньшей степени включены в междисциплинарный комплекс наук о молодежи.

То, что попытки сторонников создания ювенологии (ювентологии, юнологии и т. д.) не оказались удачными именно в обеспече-

нии нового знания на ниве междисциплинарности, не должны рассматриваться как порочность теоретического замысла интегральной науки о молодежи. Это скорее результат тех сложностей, с которыми столкнулась сегодня мировая наука при изучении комплексных объектов. Комплексность, эмерджентные свойства, самоорганизация социальных объектов сегодня не может не рассматриваться вне связи или вне аналогии с процессами в живой и неживой природе, ставшими предметом новейших исследований и озадачивших научный мир проблемами, подобными тем, что приходилось решать век назад во времена открытия структуры атома и радиации.

Вполне вероятно, что поиск комплексности отечественным ювенологам видится не там, где ее раскрытие способно двинуть вперед теории молодежи. Сегодня, разумеется, актуально и то понимание комплексности, которое предопределено мультидисциплинарностью молодежных исследований. Но переход от нее к междисциплинарности вряд ли удастся построить на соединении исследовательских стратегий и методов. По видимости это просто, тем более что многие науки давно используют одни и те же методы в различных их модификациях, например, метод опроса. Но даже с учетом этой совместимости методов задача междисциплинарного исследования нетривиальна и на практике может быть осуществлена исключительно через определенные качества отдельных ученых. Иными словами, междисциплинарность представляет в этом случае не столько научную технологию, сколько искусство отдельных многосторонних личностей. Но главное даже не в этом. Комплексность общественных объектов и социальных процессов сегодня справедливо видеть не в том, что их следует комплексно рассматривать, а в том, что их эмерджентные свойства (те, которые приобретаются только в рамках соответствующей системы, а не являются свойствами элементов этой системы) надо сначала выявить не там, где их ищут в простых системах. Дж. Урри, например, говоря

о нестабильности комплексных систем, обозначает следующие их особенности: (а) события и элементы влияют друг на друга; (б) малые причины порождают большие следствия; (в) в период трансформации систем изменения могут быть катастрофическими¹⁰. Возможно, этот перечень не закрыт тремя названными характеристиками, но и он достаточен, чтобы увидеть перспективные темы молодежных исследований, которые, к сожалению, пока не вызывают серьезного внимания у теоретиков ювенологии.

Очевидно, что эмерджентные свойства социальных объектов находить трудно, и специфика эмерджентности в обществе в том и состоит, что новые явления возникают как бы ниоткуда или с той стороны, с которой их не ожидали. В таком ключе проблемы теории молодежи в ювенологических исследованиях вообще на рассматриваются, между тем укрепление интегральной науки о молодежи было бы возможно, если комплексный подход к молодежи означал бы изучение того, что возникает на совмещении *двух систем нестабильности*: одной — идущей от нарастания неопределенности в обществе, другой — вытекающей из специфики молодежи как группы с переходным (и непременно утрачиваемым) социальным статусом. В итоге мы получаем объект со свойствами эмерджентности, а значит с неясными границами и слабой предсказуемостью свойств и поведения. Но если бы ювенология смогла бы дать теорию и выработала способы исследования такого рода объекта, она не только реализовала свою цель, но и существенно продвинула вперед все гуманитарное познание.

ОЖИДАНИЕ НОВОГО СКАЧКА

Создание теорий молодежи представляет собой дискретный процесс. В определенные периоды теоретическое осмысление феномена молодежи идет активно и реализуется в плодотворных концепциях, в другие — ничего заметного не появляется, теории молодежи характеризуются застоем. Лишь частично это вытекает из специфики развития

теорий в науке: теоретическое знание автономно и в известной мере представляет интерес само по себе (или само для себя). Это означает, среди прочего, что появление тех или иных теорий не обязательно связано с непосредственным утилитарным поводом, подсказанным практикой, и в большей мере предопределено внутренними процессами концептуализации научного знания. Но когда мы обнаруживаем качественные скачки в теоретическом знании о молодежи, связь с наличествующей ситуацией в обществе не может не броситься в глаза. Наиболее мощные прорывы в становлении теорий молодежи не случайно пришлось на 1920-е, 1960-е, 1980-е годы: это периоды особых резонансов реальности и исследовательской практики. 1920-е годы — время создания множества молодежных организаций, включая и политические союзы молодежи, формирования идентичности молодежи как особой социальной группы. Тогда же возникают многочисленные исследовательские проекты и впервые основательно разрабатываются теоретические концепции молодежи, прежде всего в Германии и России, где *молодежность* (не молодость) проявляется в организованных формах наиболее активно. 1960-е годы — период кризиса социологии молодежи, строившейся на структурно-функционалистской парадигме и не сумевшей объяснить новые реальности в молодежной среде. В итоге — новый взлет в области теории: молодежный активизм, «студенческий бунт» осмыслены в теориях «конфликта поколений», «контркультуры», «молодежных субкультур» и др. 1980-е годы — время активного развития практики государственной молодежной политики во многих странах мира, что не могло не породить новые теоретические поиски в отношении существенных свойств молодежи. Особенно активны были такие поиски в СССР и европейских социалистических странах, и сегодня об этом можно говорить как о предчувствии приближавшихся социальных перемен.

В эти продуктивные для теоретического осмысления молодежи периоды, во-первых,

социальная субъектность молодого поколения проявляется наиболее полно и многосторонне, во-вторых, эти проявления оказываются неожиданными для общества. Можно сказать, что в такие периоды новые социальные и культурные практики в молодежной среде, реакции молодых людей, их различных формальных и неформальных объединений на события экономической, политической, культурной жизни озадачивают власть и экспертные сообщества, связанные с исследованием молодежи и социальным управлением воспроизводственными процессами. Молодежь становится непонятной, общественное мнение в ее отношении дезориентировано (не без помощи СМИ¹¹). Таков нынешний период в России. Требуется осмыслить роль молодежи в капиталистическом рывке, одержанном на социальном пространстве первой в мире страны социализма и ее европейских союзников. Можно сказать, молодежь повела себя не так, как ожидали от нее все политические силы, внутренние и внешние. Это касается даже тех, кто планировал развалить с опорой на молодежь советскую систему: авторы таких планов не ожидали, что все произойдет слишком близко к задуманному им¹².

На этом фоне было бы логично ожидать нового скачка в разработке российскими исследователями и исследователями из стран СНГ теорий молодежи. И такой скачок в самом деле произошел. В последнее десятилетие опубликованы концептуальные работы Ю. А. Зубок, И. М. Ильинского, А. И. Ковалевой, Вал. А. Лукова, Е. Л. Омельченко, В. И. Чупрова, Т. И. Яковук и ряда других авторов, которые обогащают теоретические представления о сущности и характерных чертах молодежи, молодежного движения, молодежной политики. Некоторые из них представляют собой обобщение ранее проведенных эмпирических исследований, другие содержат более или менее основательные новые теоретические идеи, которые еще только предстоит реализовать в инструментари эмпирических исследований. По крайней мере, можно констатировать, что общей

чертой основной массы этих работ является отход от марксизма как единственно верной социальной теории и потому не воссоединимой ни с какими другими теориями общества. Методологический коллаж стал совершенно приемлемым и даже нередко не обосновывается. Если у тех или иных авторов и сохраняется марксистский подход к анализу общества, то он воссоединяется с подходами М. Вебера, Э. Дюркгейма, А. Шюца, Э. Гидденса, П. Бурдьё, Ю. Хабермаса, Н. Лумана и других — в основном западных — теоретиков-обществоведов; исключение составляет П. А. Сорокин, но и он воспринимается скорее как американский социолог. Еще два десятилетия назад это считалось бы эклектикой, методологическим пороком и получило бы дружный отпор в советской научной среде. Из теоретико-методологического арсенала исследователей-молодежников почти исчезли идеи В. И. Ленина относительно молодежи и молодежного движения, ранее повторяемые к делу и без дела в виде ходячих цитат прежде всего как свидетельство политической лояльности. Но, судя по всему, именно в теориях молодежи можно ждать в недалеком будущем «ленинского ренессанса» — возвращения к ряду глубоких и актуальных для нашего времени обобщений относительно молодежи и ее вхождения в общество. Вновь в теоретических работах о молодежи можно ожидать возвращения, или точнее — нового открытия, идей А. С. Макаренко, Л. С. Выготского, Б. Г. Ананьева и ряда других советских психологов, педагогов, социологов. Увлечение отечественных обществоведов западными теориями общества, дряхлеющее уже почти четверть века, подходит к концу — в том смысле, что многие идеи уже усвоены, вошли в образовательные программы вузов, утратили обаяние новизны. Эти увлечения не были бесплодными, и это хорошо видно в попытках развития теорий молодежи. Из зарубежных источников пришли в отечественную науку темы социализации, субкультур, общества риска, социального конструирования реальности, но на нашей российской почве они

приобрели новые смыслы и обогатили теоретические представления о молодежи.

Рассмотрим некоторые из этих новаций.

СОЦИАЛИЗАЦИЯ МОЛОДЕЖИ

Не являясь новой для теорий молодежи, проблематика социализации претерпела изменения под воздействием ее переработки в собственно социологическом ключе. Это — не противодействие тенденции междисциплинарного знания о молодом поколении, а парадоксальное свидетельство ее плодотворности. Следует учитывать, что тема социализации вошла в отечественную науку преимущественно в контексте психологических понятий и характеризовалась главным образом как процесс социально-психологический. Именно так трактовали социализацию Г. М. Андреева и И. С. Кон. Усвоение теорий социализации в социологии шло через понятийный аппарат социальной психологии, в силу чего расширялся и понятийный строй социологической науки. Тем не менее оставался вопрос, в чем собственно социологическое содержание социализации как процесса и как результата.

Решение его наметилось в трудах А. И. Ковалевой и ее научной школы. А. И. Ковалева определяет социализацию как двусторонний процесс (1) постоянной передачи обществом и (2) освоения индивидом в течение всей его жизни социальных норм, культурных ценностей и образцов поведения, позволяющий индивиду функционировать в данном обществе¹³. По Ковалевой, особенность социологического изучения социализации связана и с двойственностью объекта исследования «личность — общество». Она подчеркивает: «Специфика социологического анализа социализации состоит в выделении социально-типического как совокупности доминирующих параметров и характеристик процессов интеграции индивидов в общество. Общество обуславливает социально-типическое в личностях, что необходимо для обеспечения предсказуемости поведения индивидов, достижения упорядоченности социального взаимодействия, сохранения социального

целого, его самовоспроизводства, самоуправления. Общество выставляет эталоны социализации и задает индивидам типические социальные черты (язык, ценности, информация, картины мира, способы поведения и т. д.), ориентируя на обретение одобряемых качеств личности и моделей поведения. Эти эталоны, как правило, примерны, привлекательны и понятны. Их достижение не бывает слишком сложным. Оно посибно для большинства членов общества. Общество не только типизирует, но и индивидуализирует осваиваемые в процессе социализации одобряемые модели поведения и социальные качества. Общество обустроивает процесс передачи социального опыта новым поколениям в институциональных формах»¹⁴. Трактовка социализации в этом собственно социологическом ключе вывела А. И. Ковалеву на новые концептуальные идеи, важные для понимания молодежи и потому заслуживающие рассмотрения в проблематике теорий молодежи. Это относится прежде всего к концепции *социализационной нормы* и разработке идеи *социализационных траекторий*.

Предложив понятие социализационной нормы, А. И. Ковалева определила ее, во-первых, как результат успешной социализации, позволяющей индивидам воспроизводить социальные связи, общественные отношения и культурные ценности данного общества и обеспечивать их дальнейшее развитие; во-вторых, как многомерный эталон социализированности человека с учетом его возрастных и индивидуально-психологических характеристик; в-третьих, как устоявшуюся в обществе совокупность правил передачи социальных норм и культурных ценностей от поколения к поколению¹⁵. Социализационная норма выступает мерой социализированности индивида в соответствии с характеристиками социальности данного общества. В чем специфика нормы данного типа? Не стоит ли ее рассматривать в рамках устоявшегося понятия «социальная норма»? Ковалева, отвечая на подобные возражения, показывает, что хотя социализа-

ционная норма тесно связана с нормой социальной, она не должна сводиться к последней. «Суть различия состоит в назначении той и другой нормы: для социальной нормы таким назначением является регуляция поведения индивида и группы, для социализационной — регуляция вместе с освоением нормы (адаптация к ней и ее интериоризация индивидом, как основного свойства, как *differentia specifica*). Цель регуляции — передача социальной нормы. Субъектно-объектная сторона регулирования определяется отношениями «передающий-усваивающий» («учитель-ученик»)»¹⁶. Выделение социализационной нормы продуктивно для исследования детей и молодежи, поскольку именно она (а не общая социальная норма) *выстраивает каркас социального статуса* человека в период детства и юности. Вероятно, социализационная норма действует и на следующих возрастных этапах, но ее значение там ограничено и ориентирующее значение и для личности, и для общества имеет преимущественно социальная норма. Столь же значима концепция социализационной нормы для более точной трактовки социального статуса молодых людей с ограниченными возможностями (имеющими отклонения в физическом и умственном развитии, незлышащими и др.), что показали исследования, проведенные под руководством и с участием А. И. Ковалевой¹⁷. В результате, например, удалось выявить ранее не осознававшиеся противоречия в социальном положении молодых людей с инвалидностью и в адресованных им образовательных программах.

Продуктивной оказалась и концепция социализационной траектории, которую А. И. Ковалева определяет как специфическую для конкретного человека совокупность характеристик направленности, хода и результативности процесса его социализации. Социализационная траектория в таком случае выступает интегральным показателем характера социализации. Траекторная модель социализации индивида рассматривается и показывается А. И. Ковалевой в нескольких срезах — (1) влияние внешней сре-

ды, (2) субъектность и (3) диспозиция личности в процессе социализации. «Алгоритм построения социализационной траектории основывается не на статических состояниях, а на динамике процесса социализации с учетом пройденного индивидом этапа жизненного пути, причем основные характеристики измеряются во временном континууме»¹⁸.

Две концептуальные идеи Ковалевой (социализационная норма и социализационные траектории) эвристичны для теоретического осмысления молодежной проблематики, особенно в той части, которая касается выявления специфики социального статуса молодежи и характерных для нее социальных идентичностей. Это показали и исследования учеников и последователей А. И. Ковалевой — А. С. Свиридовой, М. И. Очковского, М. Н. Реут, Т. Жулковской, У. Тарновской-Якобец и др.¹⁹

СОЦИАЛЬНОЕ РАЗВИТИЕ МОЛОДЕЖИ

Концепция социального развития молодежи разрабатывалась с середины 1980-х годов группой исследователей под руководством В. И. Чупрова²⁰. Эта концепция легла в основу крупного научного проекта «Социальное развитие молодежи», осуществлявшегося в Институте социально-политических исследований РАН в 1990–2002 гг.

В чем суть концепции В. И. Чупрова (а его ведущая роль в ее обосновании неоспорима²¹)? Молодежь рассматривается как социально-демографическая группа, выполняющая три важнейшие социальные функции: воспроизводственную, инновационную и трансляционную. По Чупрову, «отличительное социальное качество молодежи связывается с тем специфическим положением, которое она занимает в процессе воспроизводства социальной структуры, и определяется способностью молодого поколения унаследовать и воспроизводить сложившуюся на момент его становления структуру общественных отношений»²². Воспроизводя сложившуюся структуру общественных отношений, молодежь перенимает социальный опыт старших поколений и вносит новое

в этот процесс, реализуя свои инновационные свойства. Этот процесс составляет своего рода фрагмент преемственности и смены поколений, в рамках которого молодежь, взрослея, становится источником социального опыта для следующего поколения — так реализуется трансляционная функция молодежи. Концепция социального развития молодежи имеет четко очерченное марксистское ядро, хотя теоретические построения структурного функционализма здесь также заметны.

В макросоциальном контексте идея социального развития молодежи плодотворна, и она была в 1990-е годы воспринята целым рядом молодых исследователей (среди них — Ю. А. Зубок, Е. Д. Игитхян, И. В. Казаринова, А. Н. Колесников, М. В. Савва, М. В. Соловьев, А. В. Шаронов и др.²³), в том числе и потому, что она хорошо переводится в задачи и инструментарий эмпирических исследований. Ю. А. Зубок, в частности, отмечает: «Такой подход позволяет обосновать меру существенных признаков, необходимых для операционализации молодежи как базового понятия данной отрасли социологии. В качестве меры выступает способность молодого поколения унаследовать, воспроизвести на качественно новой основе и передать (транслировать) следующим поколениям всю систему социальных отношений, обеспечивающих внутреннюю устойчивость и целостность общества. То есть функционирование и развитие молодежи как социально-демографической группы отражает становление субъекта общественного производства и общественной жизни. Соответственно нарушение, дисфункция этого процесса лежит в основании социальных проблем молодежи»²⁴.

На наш взгляд, концепция социального развития молодежи не только не исчерпала своего содержания в проведенных эмпирических исследованиях, но и имеет немалый потенциал для дальнейшего развертывания. Ее достоинства особенно заметны в рамках социологии молодежи при формировании теории макросоциологического уровня. Здесь концепция социального развития мо-

лодежи обнаруживает и свои порождающие возможности. Свидетельством этого стало развитие концепции Чупрова его ученицей и последовательницей Ю. А. Зубок, автора рискологической концепции молодежи, в основе которой лежат положения научной школы Чупрова.

КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ РИСКА КАК СВОЙСТВА МОЛОДЕЖИ

Новая социальная реальность в ее глобальном измерении и в локальных проявлениях ставит проблему молодежи как носителя не только настоящего, но и будущего общественного устройства в ином ракурсе, чем это было 30–40 лет назад. Если пользоваться терминологией М. Мид относительно типов культуры, то можно сказать, что сегодня все более утверждаются различные вариации кофигуративной и даже префигуративной культур, черты которых, разумеется, наблюдались и ранее, но их реальность стала проявляться как системный и относительно длительный фактор социального развития в конце XX века. Сам факт утверждения таких культур означает, что исследования молодежи не только не теряют своего значения якобы в силу изученности, но, напротив, все время нуждаются в обновлении и по эмпирическому материалу, и по теоретической концепции, поскольку префигуративные культурные феномены связаны с культурой будущего, в которой «предстоящее неизвестно»²⁵. В книгах и докторской диссертации Ю. А. Зубок находит место такой новый поворот молодежных исследований, когда изучение реальности ведется в новой концептуальной схеме.

В рискологической концепции молодежи, выдвинутой Ю. А. Зубок, удачно соединились опыт социологической школы ИСПИ РАН и теоретические идеи современной мировой социологии. От школы ИСПИ РАН, школы Чупрова в концепции Ю. А. Зубок идет линия на исследование социального развития молодежи. От работ У. Бека, Э. Гидденса, А. Д. Урсула, Н. Л. Смакотиной, в какой-то мере Н. Лумана, М. Дуглас, Д. Луп-

тон и др. исследовательница получает методологию социологического исследования риска и социальной неопределенности. Хотя было бы неверно говорить, что проблематика риска не изучалась применительно к молодежи (есть работы Л. Махачека, М. Янга, Дж. Байнера и ряда других авторов), но совсем иное дело — воссоединить тематику общества риска с тематикой социального развития молодежи. На пересечении возникает новый концептуальный продукт, ценность которого в теоретическом плане представляется значительной. Тема риска перестает быть простой рамкой исследования молодежи, данью модным в мировой социологии тенденциям, отражающим алармистские настроения интеллигенции западных стран перед лицом глобализма. Понятие риска приобретает характер методологического средства для описания и понимания молодежи.

Собственно, в этом видится и ядро научной новизны рассматриваемой концепции. Риск теоретически рассмотрен и показан на эмпирическом материале как *одно из существенных свойств молодежи*²⁶. Согласно концепции Ю. А. Зубок, риск, будучи социально обусловленным, возникает (1) в связи с переходным состоянием молодости как фазы жизненного пути и реализуется в процессе инновационной деятельности молодых людей; (2) под влиянием нового этапа социокультурной эволюции, связанной с изменениями процесса передачи социального опыта между поколениями; (3) в силу кардинальных изменений механизма социального взросления, связанных с ростом продолжительности социальной транзycji. При этом риск признается существенной характеристикой молодежи не только на социально-групповом, но и на индивидуально-личностном уровне²⁷. Соответственно этому, по Зубок, риск может рассматриваться как мера противоречия (1) в диспозиционной структуре личности, (2) между объективной и субъективной формами существования самого риска, (3) между способами его рационализации²⁸. В разнонаправленности развития молодежи проявляется противоречие между

объективной и субъективной формами риска (соответственно между средовой и деятельностной формами)²⁹. Среди прочего, это предполагает рассмотрение применительно к молодежи социальной девиации с акцентом не на отклонении от принятых в обществе норм, а на процессе социального развития³⁰. В концепции Зубок все многообразие препятствий, возникающих в процессе развития молодежи и усиливающих риски в ее среде, сводится к связанным с (1) неравенством социального статуса, (2) характером взаимодействия с социальными институтами, (3) социокультурными особенностями молодых людей³¹.

В работах Ю. А. Зубок сформулированы новые подходы к изучению социальной интеграции молодежи в социальную структуру, изучены практики социального исключения, раскрыты социально-регуляционные детерминанты риска в развитии молодежи³². Следует признать, что рассмотрение на современном российском материале этих и других проблем обладает в ряде случаев четко выраженным практически-прикладным характером. Рискологическая концепция молодежи открывает широкие перспективы понимания современных социальных феноменов и процессов. Но есть и позиции спорные, представляющие предмет для научной дискуссии. Основываясь на тексте докторской диссертации Ю. А. Зубок, отметим, что дискуссионными представляются некоторые характеристики, которыми она наделяет молодежь. Ю. А. Зубок, в частности, пишет, что «молодежь не является саморазвивающейся системой. Как часть общества она включена в процесс общественного развития, определяющего направленность и необратимость развития и данной социальной группы»³³. В то же время другой характеристикой молодежи признается ее целостность («как социальная группа она существует в целостности, поэтому показатели ее развития должны отражать целостный процесс ее взаимодействия с обществом»³⁴). Каждая из этих характеристик может быть признана по отдельности, но в разных концепциях моло-

дежи. Первая — при трактовке молодежи с позиций номинализма, где термин «молодежь» выступает как обозначение конгломерата разных общностей, отношений, свойств и т. д. Вторая — при трактовке молодежи с позиций реализма, где молодежь — реально отделяемая в рамках «общества» общность. В первом случае саморазвивающаяся система все же обнаруживалась бы в различных общностях, относимых к молодежи (в частности, субкультурных образованиях). Во втором — молодежь как целостность (а это свойство систем) вообще сомнительно лишать характеристики саморазвивающейся системы. Мы видим здесь определенное противоречие в авторской позиции.

Другое утверждение, требующие проявления, относится к наиболее общему критерию социального развития молодежи. Им признается «достижение молодым поколением социальной зрелости»³⁵. Этот критерий, как отмечается дальше, отражает определенный результат становления социальной субъектности, достигнутый в ходе транзycji молодежи, характеризует меру ее социального взросления. Но как определить меру социальной зрелости в аномичном обществе? Ю. А. Зубок признает, что российское общество, отказавшись от идеологических критериев и не выработав новых, лишилось возможности «адекватно оценивать перемены». Не значит ли это утерю социальной зрелости, а следовательно, и критерия социального развития молодежи?

Интересное положение концепции о локализации рисков как пути к снижению их опасных последствий сформулировано в слишком обобщенной форме. Автор подчеркивает, что «дифференциация неопределенности по региональным, групповым и индивидуальным признакам, как правило, приводит к локализации риска, в результате чего появляются предпосылки для его успешного преодоления»³⁶. Следует ли это понимать как некую социальную технологию или речь идет о характеристике аналитической работы исследователя? Если это технология, то каковы ее составляющие?

Рискологическая концепция молодежи не претендует на обобщение относительно молодежи для всех времен и народов. Как показывает Ю. А. Зубок, «В общественно-исторической ретроспективе риск не всегда выступал сущностным свойством молодежи как социальной группы, в определенном смысле риск явился продуктом общественной эволюции, хотя опасность существовала всегда... Проникновение риска в структуру сущностных свойств молодежи происходило под влиянием нового этапа социокультурной эволюции, связанной с изменением процесса передачи социального опыта от поколения к поколению»³⁷. Такой подход к концептуализации молодежной проблематики оправдан и задачами эмпирических исследований, и по существу. Молодежь — феномен исторический, хотя молодые всегда были в человеческом обществе. Это обстоятельство верно уловлено в самом строе данной концепции. И в этом — перспективы ее дальнейшего развития.

¹ См.: Stanly Hall G. Adolescence: Its psychology and its relation to psychology, anthropology, sociology, sex, crime, religion and education. N. Y.: D. Appleton and Company, 1904. Vol. 1–2.

² См.: Groos K. Zur Psychologie der reifenden Jugend. S. 1., 1912; Buhler Ch. Das Seelenleben des Jugendlichen. Jena: Fischer, 1927; Spranger E. Psychologie der Jugendalters. 25. Aufl. Heidelberg: Quelle & Meyer, 1957.

³ См.: Ильинский И. М. Молодежь и молодежная политика. М.: Голос, 2001. С. 674.

⁴ Там же. С. 674–675.

⁵ См.: Павловский В. В. Ювентология: Проект интегративной науки о молодежи. М.: Акад. проект, 2001.

⁶ См.: Слуцкий Е. Г. Основы ювентологии и ювенальной политики: история становления, проблемы и перспективы. СПб., 2000; Основы ювентологии: Опыт комплексного междисциплинарного исследования / Науч. ред. Е. Г. Слуцкий; Отв. ред. И. В. Скомарцева. 2-е изд., испр. и доп. СПб.: БИС-принт, 2002; Словарь по ювентологии: 300 терминов / Под общ. ред. Е. Г. Слуцкого, И. В. Скомарцевой; Сост.

И. В. Скомарцева, В. К. Криворученко, Е. Г. Слуцкий. СПб.: БИС-принт, 2002; Ювенология и ювенальная политика в XXI веке: Опыт комплексного междисциплинарного исследования / Под ред. Е. Г. Слуцкого. СПб.: Знание, ИВЭСЭП, 2004.

⁷ Ювенология и ювенальная политика в XXI веке. С. 668.

⁸ Там же.

⁹ Подробнее об этом см.: Луков Вл. А., Луков Вал. А., Ковалева А. И. Уроки Макаренко. М.: Издат. дом «Ключ С», 2006; Луков Вал. А. Воспитание и глобализация: Проблемы социологии воспитания. М.: Флинта; Наука, 2007.

¹⁰ См.: Urry J. The complexities of the global // Theory, culture and society. 2005. Vol. 22, №5. P. 235–254.

¹¹ Характерны репортажи 8 августа 2007 г. на 3 канале телевидения с места проведения пикета одного из молодежных движений в защиту стрингеров (людей, носящих стринги — трусы особого фасона). В пикете участвовало менее 10 человек, но ему были посвящены два прямых выхода в эфир в режиме первой новости дня с обширными интервью и комментариями относительно новых явлений в молодежном движении. Между тем ни одна общественно полезная акция наибольшей по численности молодежной организации страны Российского союза молодежи не была освещена в новостных программах в течение лета 2007 г. ни 3-го, ни других каналов телевидения.

¹² Подробнее о характере этих планов см. во вступительной статье И. М. Ильинского к сб. документов: Главный противник: Документы американской внешней политики и стратегии 1945–1950 гг. / Сост. и авт. вступ. ст. И. М. Ильинский. М.: Изд-во Моск. гуманитар. ун-та, 2006.

¹³ Ковалева А. И. Социализация // Знание. Понимание. Умение. 2004. №1. С. 139.

¹⁴ Там же. С. 141–142.

¹⁵ Ковалева А. И. Социализационная норма в современном российском обществе: Автореф. дис. ... докт. социол. наук. М., 1997. С. 7–8.

¹⁶ Там же. С. 18.

¹⁷ См.: Ковалева А. И., Реут М. Н. Социализация неслышашей молодежи. М.: Социум,

2001; Жулковска Т., Ковалева А. И., Луков В. А. «Ненормальные» в обществе: Социализация людей с ограниченными интеллектуальными возможностями. Москва; Щецин: Изд-во Моск. гуманитар. ун-та, 2003;

¹⁸ Ковалева А. И., Луков В. А. Социология молодежи: Теоретические вопросы. М.: Социум, 1999. С. 277.

¹⁹ См.: Свиридова А. С. Нормативная и реальная социализация подростков в образовательном процессе: Автореф. дис... канд. социол. наук. М., 1999; Очковский М. И. Девiantное поведение пользователей в условиях работы в компьютерных сетях: Автореф. дис... канд. социол. наук. М., 2000. Реут М. Н. Особенности социализации неслышашей молодежи: Автореф. дис... канд. социол. наук. М., 2000; Жулковска Т. Социализация людей с ограниченными интеллектуальными возможностями: соотношение институтов и процессов: Автореф. дис... докт. социол. наук. М., 2002; Тарновска-Якобец У. Социализация в семьях с дистантным отцовством. М.: Изд-во Моск. гуманитар. ун-та, 2006.

²⁰ В группу входили Е. П. Васильева, Ю. А. Качанов, А. В. Кинсбургский, А. А. Коклягина, В. В. Семенова, М. Н. Топалов, М. Р. Тульчинский, М. Ф. Черныш. См.: Зубок Ю. А. Феномен риска в социологии: Опыт исследования молодежи. М.: Мысль, 2007. С. 10.

²¹ Концепция изложена и обоснована в ряде работ и докторской диссертации В. И. Чупрова. См.: Чупров В. И. Социальное развитие молодежи: Теоретические и прикладные проблемы. М.: Социум, 1994; Он же. Теоретические и прикладные проблемы социального развития молодежи: Дис... докт. социол. наук. М., 1994.

²² Чупров В. И. Развитие молодежи: концептуализация понятия // Молодежь России: социальное развитие / Отв. ред. В. И. Чупров. М.: Наука, 1992. С. 9.

²³ См.: Чупров В. И., Зубок Ю. А. Молодежь в общественном воспроизводстве: проблемы и перспективы / ИСПИ РАН. М., 2000; Чупров В. И., Игитханян Е. Д. Социально-профессиональный статус молодежи. М., 1992; Чупров В. И., Игитханян Е. Д., Казаринова И. В.

Семейное положение молодежи России. М., 1992; Чупров В. И., Колесников А. Н. Образовательный статус молодежи России. М., 1992; Чупров В. И., Савва М. В. Этнический статус в молодежной среде. М., 1992; Чупров В. И., Соловьев М. В. Положение молодежи России в структуре власти. М., 1992; Шаронов А. В. Государственная молодежная политика как фактор социального развития молодежи: Автореф. дис. ... канд. социол. наук. М., 1994.

²⁴ Зубок Ю. А. Феномен риска в социологии: Опыт исследования молодежи. С. 11.

²⁵ См.: Мид М. Культура и мир детства: Избр. произведения /Пер. с англ. М.: Наука. Гл. ред. восточн. лит-ры, 1988. С. 361.

²⁶ См.: Зубок Ю. А. Феномен риска в социологии. С. 165–172.

²⁷ См.: Зубок Ю. А. Риск как фактор социального развития молодежи. Дис... докт. социол. наук. М., 2003. С. 197–199, 209, 213.

²⁸ См.: там же. С. 214, 217–235.

²⁹ См.: там же. С. 189.

³⁰ См.: там же. С. 227, 266.

³¹ См.: там же. С. 94.

³² См.: Зубок Ю. А. Исключение в исследовании проблем молодежи // Социол. исследования. 1998. №8. С. 47–56; Она же. Социальная интеграция молодежи в условиях нестабильного общества /ИСПИ РАН; НИЦ при Ин-те молодежи. М., 1998; Она же. Проблемы риска в социологии молодежи. М.: Моск. гуманит.-социальн. академия, 2003; Чупров В. И., Зубок Ю. А., Уильямс К. Молодежь в обществе риска. М.: Наука, 2001.

³³ Зубок Ю. А. Риск как фактор социального развития молодежи. С. 47.

³⁴ Там же.

³⁵ См.: там же. С. 48.

³⁶ Там же. С. 190.

³⁷ Зубок Ю. А. Феномен риска в социологии. С. 170–171.

(Окончание следует)